

A romantic close-up of a couple about to kiss. The woman is on the left, wearing a white dress and a red headband, with her eyes closed. The man is on the right, wearing a white shirt and a dark vest, with his eyes closed and hands on the woman's shoulders. The background is a soft, out-of-focus blue and white.

16+

КИРА
ФАРАДИ

Я скучаю
ПО ТЕБЕ 2

Кира Фарди

Я скучаю по тебе. Сквозь тернии к счастью. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67297626

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы с Антоном жили в разных мирах и познакомились при странных обстоятельствах. Он поспорил на меня с друзьями – я влепила ему пощечину. Военные действия разгорелись не на шутку, но в какой-то момент все изменилось, и ненавистный мажор вдруг стал самым желанным человеком на свете. А потом пришла беда...

Кира Фарди

Я скучаю по тебе. Сквозь тернии к счастью. Книга 2

Глава 1

Антон

Морские волны набегали на берег и откатывались назад, шелестя округлой галькой. Белая чайка, важно прогуливавшаяся вдоль кромки воды, каждый раз вспархивала и с криком отлетала назад. Я наблюдал за терпеливой птицей, но думал о своем.

Бирюзовый цвет волн будил воспоминания, которые я раз за разом гнал от себя. Только опускал веки, как видел удивленно распахнутые глаза с длинными ресницами и слышал нежный голос, зовущий меня.

Сердце сжалось, к горлу подкатил комок.

– Я скучаю по тебе, – невольно вырвалось у меня, но я тут же оглянулся: не услышал бы кто.

Нельзя! Ни думать, ни представлять, ни говорить об этом нельзя. Табу! События и чувства, спрятанные за семью дверями и запечатанные семью замками.

Недавно я прочитал, что в европейских странах много ве-

ков подряд бирюзу воспринимали как талисман, приносящий удачу. Моя встреча с этим волшебным цветом обернулась непреходящей тоской и отчаянием.

Я встряхнул головой и надел солнечные очки: так море становилось темным и мрачным под стать моему настроению, которое сегодня вообще было ни к черту. Очередной визит к светилу медицинской науки принес только горькое разочарование и усилил мое желание помахать рукой этому миру.

– Угу! – бормотал седой доктор в израильской клинике и качал головой, разглядывая мои снимки. – Ага! Хм!

– А точнее вы что-то можете сказать? – нетерпеливо прервала его хмыканье мама.

Все эти годы она не отходила от меня ни на шаг. Я был благодарен ей за внимание и заботу, но... Боже мой! Как меня душила эта опека! Если раньше я мог как-то сопротивляться ей, то сейчас...

Я судорожно вздохнул и опять посмотрел на чайку. Она поднялась ввысь, а потом резко кинулась в волну и взмыла в воздух. В ее клюве трепетала серебристая рыбешка. Прямо как я сейчас: вроде бы жив, но в то же время в плену.

– Антоша, хочешь сок? – крикнула мама преувеличенно бодрым голосом. Она последнее время только так со мной и разговаривала.

Я обернулся и прищурился: даже сквозь очки лучи южного солнца били прямо в глаза.

– Нет, – ответил я.

– Ты помнишь, что мы планировали прокатиться на яхте?

– Да. Хорошо. Я подожду вас на причале.

Я нервничал. Впрочем, в последние годы это было моим обычным состоянием. Я кричал, капризничал, требовал к себе внимания, как маленький ребенок, но не мог избавиться от боли, которая просто душила меня, выворачивала наизнанку желудок и отключала мозги.

«Соберись, соберись! – приказал себе я. – Сегодня твой шанс вырваться на волю».

Родители показались через несколько минут. Они шли от виллы, которую сняли этой осенью, чтобы оставаться рядом со мной, пока я прохожу очередное обследование. А зачем? И так все ясно. Сколько раз за эти годы вспыхивала и гасла надежда. Я больше не хочу. Устал. Нет желания бороться и страдать.

Охранники волокли сумки со снаряжением и продуктами. Мама шла налегке и с кем-то разговаривала по телефону. У отца на плече висел этюдник, в руках был чемоданчик с красками. Родители приблизились. Отец тронул меня за плечо и сказал:

– Я сейчас отнесу это на борт и помогу тебе.

– Хорошо, – кивнул я, но мне было все равно.

Я проследил за ними взглядом и положил пальцы на рукоятку. Моя «Мейра» плавно тронулась с места. Отец услышал звук мотора, бросил на доски причала этюдник и кинул-

ся обратно. Он встал на пути, расставив руки.

– Антон! Не смей! Это опасно!

От яхты бежала мама. Она смешно перебирала стройными ногами в коротких шортах, но я даже не улыбнулся: устал от опеки и от этой жизни.

– Пап, хватит! Я сам.

– Не дури!

– Отстань от меня! – закричал я, чувствуя приближавшуюся истерику.

– Ребята, сюда! – позвал отец охранников. – Антон, хватит! Я знаю, тебя расстроили известия, но это еще не конец. Я читал, что в Америке...

Прибежали два здоровенных парня, как в сказке: двое из ларца, одинаковых с лица. Оба огромные, накачанные, с непроницаемыми физиономиями. Танки, а не люди. Я их ненавидел всеми фибрами своей души, но избавиться не мог. Они полностью подчинялись воле моей матери и сторожили меня круглые сутки.

Охранники подхватили меня с двух сторон и вместе с «Мейрой» подняли на борт яхты.

Я разозлился и уже открыл рот, чтобы высказать родителям все, что о них думаю, но вовремя прикусил язык: это морская прогулка могла сорваться в любой момент, а я этого не хотел.

Из любой ситуации нужно извлекать пользу, в кресле можно сидеть у самого бортика, а потом незаметно...

– Я останусь внизу, – сказал я.

– Ты можешь простыть!

– Ма-ма! Мне не пять лет!

– Антон, не спорь с родителями! – Голос мамы приобрел металлические нотки. – Дима, займись!

Огромный охранник просунул свои руки под мои колени и как пушинку поднял меня по лестнице. Его товарищ отнес кресло. Они вернули меня на место, и я поехал к бортику, чтобы осмотреться.

Яхта тронулась, легкий ветер зашевелил волосы, овеял разгоряченное лицо. Я зажмурился: после дневной жары так хорошо было почувствовать призрачную свободу.

Та авария стала водоразделом моей судьбы. Я не видел машину и до сих пор не понимал, почему водитель не заметил на пустынной дороге меня. Кто это был, никто не знает. Он скрылся с места аварии. Мама рассказывала, что скорую вызвали две девушки-студентки, которые нашли меня.

Я очнулся лишь через несколько дней. Сначала услышал голоса, потом открыл глаза, увидел белые расплывчатые фигуры и снова захлопнул веки, не понимая, где я и кто эти люди, стоявшие рядом.

– Смотрите, он очнулся! – сказал кто-то.

– Нет, не может быть!

– Да-да, он только что открывал глаза, я видела!

Голос мне показался знакомым, и я снова решил посмотреть сквозь ресницы. Это была мама. Что она забыла в моей комнате? Я все еще болею? Нет, уже здоров. О боже! Я вчера женился! Мне надо бежать!

Я уже открыто посмотрел на людей в белом, столпившихся вокруг, и хотел сказать, что здоров, но изо рта вырвалось лишь тихое мычание.

– Так, молодой человек! Не торопитесь. Вы молодец! Можно я осмотрю вас?

Ко мне наклонился рыжий доктор в шапочке, натянутой на уши. Он раздвинул пальцами мои веки и посветил фонариком в глаза. Потом пришел черед молоточка. Доктор постучал мне по локтям, откинул одеяло и прошелся по коленям. Я ничего не чувствовал. Совсем.

– Доктор, как он?

– Ну, жить теперь точно будет, раз сам дышать начал и пришел в себя. Антон, я тебя иголочками уколою. Если почувствуешь что-то, просто моргни. Понял?

Я моргнул, пока еще не понимая, что со мной происходит, но уже чувствуя еще неосознанную тревогу, которая поднималась изнутри и вот-вот готова была вырваться из горла криком.

– Пить, – выдавил я из себя.

– Отлично! Это просто здорово! Сознание приходит в норму, речь восстанавливается. Молодой человек, да вы в

рубашке родились!

Медсестра поднесла к моим губам влажный тампон и смо-
чила их.

– Пить, – твердил я, ловя губами прозрачные капли.

– Потерпи немного. Сейчас еще нельзя, может плохо
стать. Наташа, дай парню через часик воды. С того света вер-
нулся!

Я ничего не понимал и только переводил взгляд с одного
доктора на другого. Мама плакала. Она гладила мою руку
и плакала. Это было странно. Я никогда в жизни не видел,
чтобы мама плакала. С этой мыслью и заснул.

Глава 2

Рита

– Ритка, не дури! Сходи на свидание!

Анжела сидела у окна, прихлебывала чай по-деревенски,
с сахарком вприкуску, и воспитывала меня. Этот разговор
возникал постоянно, как только она приезжала ко мне в го-
сти.

В подмосковном поселке Любимовка, где я когда-то жи-
ла с бабушкой, остался маленький деревянный дом. После
смерти бабули я выставила его на продажу, но события той
осени изменили мои планы. Какое счастье, что на старую
развалюху не нашлось покупателей!

– Люда, еще плюшечку?

– Слушай, пироги у тебя, конечно, знатные, но больше не

могу. Ты хочешь, чтобы я не пролезала в двери? – пыхтела, отдуваясь, она и вытирала пот, обильно стекавший по ее щеке.

– Ну, тогда с собой возьмешь.

– Давай, Азамат твою стряпню любит.

Я складывала еще теплые сахарные плюшки, обсыпанные грецкими орехами, в пакет и не знала, что ответить подруге. Скороспелая свадьба, деньги, небрежно брошенные мне на тумбочку, а потом еще и исчезновение Антона навсегда отвратили меня от Москвы. Не хочу жить в большом городе, не хочу сталкиваться с богатыми паразитами и не хочу страдать.

– Держи.

Я протянула пакет Людмиле.

– Рит, ну сходи на свидание, – ныла бывшая официантка, а сейчас жена Азамата Григорьевича, степенного и уважаемого в районе человека. – Степка уже весь извелся. Сколько лет за тобой ходит.

– И что? Он женат.

– Неправда. Развелся недавно. Хороший парень. Работает, квартиру имеет. Что тебе еще надо? Не будешь же ты всю жизнь одна куковать.

– Люда, ты забыла, я замужем.

Я показала подруге обручальное кольцо, которое так и не снимала с пальца. Все-таки бракосочетание у нас было настоящее, не поддельное.

– И где он, твой муж? Объялся груш?

– Не знаю где, – ответила я. – Но по документам я замужняя дама.

– А документы где? Ничего же нет!

Людмила была права. Эту тему мы поднимали неоднократно, но пустая перепалка не приводила к результату.

Я автоматически мыла посуду в тазике и невольно возвращалась мыслями в то утро.

Меня разбудил громкий стук в дверь. Я сонно потянулась.

– Антоша, стучат.

В ответ – тишина. Пришлось повернуться: Антона рядом не было. Еще ничего не подозревая, я выбралась из-под одеяла, накинула на себя халат и потащила свое тело к дверям.

– Кто там?

– Горничная.

– Что-то случилось?

– Простите, но вам нужно освободить номер и заплатить за него.

– Что? Как? – быстрый взгляд на часы: половина десятого. Если я сейчас не уберусь отсюда, пойдут вторые сутки, за которые нам придется платить. – Я сейчас. Минуточку!

Я заметалась по комнате, скидывая свои вещи в сумку и не понимая, куда пропал мой молодой муж. На глаза попал-

ся телефон. Я набрала номер Антона. Механический голос мне сообщил, что абонент недоступен. Еще ничего не подзревая, я привела себя в порядок, оделась и тут заметила на прикроватной тумбочке несколько тысячерублевых бумажек и мой паспорт. Ни свидетельства о браке, ни записки не было.

Я вспомнила чувство недоумения, которое охватило меня в тот момент. Где Антон? Разве я могла уйти без него?

– Простите, – спросила я, когда расплачивалась на ресепшен, – вы не видели моего мужа? – Поймав удивленный взгляд, пояснила: – Высокий молодой человек в серебристой куртке.

– Да, он ушел рано утром.

– Ушел?

Новость просто убила меня наповал. Куда? Почему? С вечера мы ни о чем таком не договаривались. Я снова набрала его номер и опять бесполезно, но уйти без него не могла, поэтому просто сидела в холле и поглядывала на дверь.

«А-а-а, – сообразила наконец я, – Антон хочет сделать мне сюрприз. Точно!»

Два часа пролетели, но муж не показывался, пришлось идти на улицу. ОТЕЛЬ располагался в незнакомом мне районе. Я пересчитала оставшиеся деньги, вздохнула и пошла разыскивать автобусную остановку.

На улице было холодно. Тонкая куртка не спасала от пронизывающего ветра, ноги сразу замерзли. Я бегом помчалась

через дорогу и сразу запрыгнула в первую маршрутку: главное – попасть к метро, а там уже разберусь.

В салоне было мало народу. Впереди сидели две девушки и возбужденно разговаривали.

– Я в шоке! Первый раз с таким сталкиваюсь, – говорила брюнетка с мальчишеской стрижкой.

– Может, он был наркоман?

– Не знаю, не похож. Одежда стильная, и сам хорошенький. Хотя... – Она замолчала. – А, все равно нельзя бросать человека в беде! Наркоманы – тоже люди.

– погоди, а вдруг его машина сбила?

– Полиция разберется. Мы с Таней так перепугались, когда его увидели!

Я посмотрела в окно и погрузилась в свои мысли. Чужие трагические истории меня не интересовали, своя драма намечалась. Слезы покатались из глаз. Неужели Антон так хорошо притворялся?

Нет, не верю! Блеск в глазах у влюбленного человека нельзя перепутать ни с чем. И зачем он на мне женился? Мог бы просто заморочить голову, переспать и бросить, а не исчезнуть таинственно.

Рано паниковать! Свадьба была настоящая!

Тогда куда пропало свидетельство о браке?

Я не знала ответа на свои вопросы, поэтому никому сразу не рассказала о подозрениях.

– Рита, ты теперь к мужу переберешься жить? – подмиг-

нул мне дядя Вася, когда я пришла в общежитие.

– Пока еще рано об этом говорить. Сами видели, какая у него мать. Надо ее постепенно подготовить.

– Точно-точно.

Я ждала до вечера, но Антон все не показывался. Его телефон тоже был заблокирован. В кафе ничего не изменилось, только Людочка прибежала ко мне в мойку и заговорщицки спросила:

– Ну, как оно?

– Что? – не поняла я.

– Ну, это? Секс, короче.

– Люда, отстань от меня! – чуть не закричала я.

– Рита! О чем задумалась? – Я подпрыгнула и уронила блюдо на пол. Людмила засмеялась. – Не парься, девка! Степка – настоящий мужик.

– Если с одной развелся, не факт, что и со мной так же не поступит, – упрямылась я. – Степан – хороший друг, я его в другом качестве и не представляю.

– И все же! Ты не капризничай. Все, больше уговаривать не буду. Азамат завтра приглашает тебя на ужин, заодно и твое новое блюдо хочет попробовать.

– Там видно будет, – уклончиво ответила я.

Людмила тяжело подошла к окну, прислонила большой

живот к подоконнику и крикнула:

– Сенька, прощайся с Леночкой! Она завтра вместе с мамой приедет к нам в гости.

– Я еще не согласилась, не обнадеживай детей.

– А я специально, чтобы ты не передумала.

Мы вышли во двор, где бегали друг за другом дети.

– Мама, – Леночка кинулась ко мне в ноги, – мы правда завтра в гости поедem? Сенька сказал, что у него новая машина есть. Во-о-от такая огромная!

Дочка расставила широко ручонки и посмотрела на меня сияющими, серыми, как у отца, глазами.

– Поедем, – согласилась я и укоризненно покачала головой: Людмила знала, кого брать в союзники.

Подруга довольно захихикала, посадила сына в кресло, а сама забралась на водительское сиденье.

– Господи, поезжай осторожнее. И как тебя Азамат одну за рулем отпускает?

– Не рожу, не бойсь! Я баба крепкая! Еще два месяца ходить буду. Завтра жду.

Мы с дочкой помахали руками огням отъезжавшей машины и вернулись домой. Вечер пролетел незаметно: когда в доме маленький ребенок, каждая минута занята. Умыть, накормить, почитать книжку, убратсья – столько разных дел, что все не перечесть.

Наконец дочка заснула. Я вышла во двор, где в беседке под раскидистой грушей дети весь день играли и рисовали.

Игрушки быстро собрала в коробку, размалеванные листочки смяла и выбросила в мусорное ведро.

И тут меня словно ударило током. Я вытащила один рисунок и расправила его на столе. Четырехлетняя Леночка еще только училась рисовать, но ее каракули были уже вполне понятными.

В верхнем углу желтело кривое солнце. В центре стоял кособокий дом. А рядом с ним – маленькая девочка в платье треугольником, как изображают контуры людей на дверях общественных туалетов. Она держала за руку человека в брюках. И у девочки, и у человека были яркие серые глаза.

Я села на крыльцо и заплакала.

Глава 3

Антон

Яхта уже удалилась в море. Берег теперь едва виднелся на горизонте и качался в туманной дымке, как мираж. Отец поставил этюдник на палубу и погрузился в работу. Он давно мечтал написать закат на море. Красный шар уже висел над горизонтом и вот-вот готов был искупаться в воде.

Мама лежала в шезлонге, ловила лучи заходящего солнца и лениво перелистывала медицинский журнал – в последнее время это ее любимое чтение. Как истинная бизнес-леди, она и к выздоровлению сына подошла с деловой хваткой.

Увидев, что я веду себя смирно, охранники стали накрывать стол для ужина. Я не наблюдал за ними, но хорошо их

слышал.

– Поставь стол сюда, – говорила мама. – Антону здесь будет удобнее.

– Анна Анатольевна, вино какое открыть?

– Дима, зачем ты достал красное? В нем высокий уровень танинов. Его нельзя использовать в сочетании с рыбой.

– Почему? – спросил наивный охранник. Я усмехнулся. – Можно отравиться?

– Нет, испортить ужин. Во рту появится металлический привкус. К форели хорошо подойдет калифорнийское шардоне.

– А-а-а! Никогда не думал, что это важно.

В целом прогулка напоминала вполне мирную картину семейного отдыха, вот только мне он был не нужен. Я подъехал вплотную к бортику и огляделся: на меня никто не обращал внимания. Сумерки сгустились, внизу болталась маслянистая чернота и манила к себе. Пришлось ждать, пока вечер полностью заявит о себе: в темной воде меня не смогут быстро отыскать.

Восстановление было долгим.

Когда машина ударила меня, я перевернулся в воздухе и упал спиной на край бордюра. В результате – перелом позвоночника в нескольких местах и полный паралич тела. Но

судьбе и этого показалось мало: образовавшийся тромб перекрыл сосуд, и в течение нескольких дней я находился на аппарате искусственного дыхания или ИВЛ.

Мама рассказывала, что прогнозы были страшные. Врачи сомневались, что я могу прийти в себя. Но я очнулся, только зачем? В первые дни я не мог ничего, даже говорить. Меня держали на препаратах, от которых я все время спал, глубоко и без сновидений. Но как только открывал глаза, сразу вспоминал Риту. Ее образ стоял передо мной такой, какой я видел ее в последний раз. Маленькая нога выглядывала из-под одеяла, и я каждый раз неосознанно хотел ее накрыть простыней.

– Ма-ма, Ри... – повторял я, пытаюсь сказать, что я женился и надо сообщить Рите. Она наверняка сходит с ума, ничего не зная обо мне.

– Антошечка, не говори, – курицей-наседкой бросалась ко мне мать, а потом я снова погружался в сон.

Но постепенно организм начал приходить в себя. Через две недели полностью восстановилась речь, и я мог теперь рассказать маме о женитьбе, но... Случайно подслушанный разговор изменил мои намерения.

В этот день я проснулся рано. Сам не знаю почему, но будто кто-то толкнул меня и сказал: «Слушай!»

Возле кровати стояли люди. Я различил голос мамы. Она спросила:

– Евгений Борисович, как вы думаете, Антон может пол-

ностью восстановиться?

В ее голосе звенело отчаяние. Вообще за те две недели, что она провела почти безвылазно в больнице, мама сильно изменилась. Она осунулась и постарела, одежда на ней болталась и казалась неопрятной. От железной леди не осталось и следа.

Отец и то выглядел лучше. Он часто сменял маму у моей постели. Я видел, как он держит меня за руку, но ничего не чувствовал, и это до ужаса меня пугало.

«Не может быть! – убеждал себя я. – Нет. Я молод, организм сильный, он точно справится с проблемой. Вот сейчас, как только перелом позвоночника зарастет, снова восстановится чувствительность, и я смогу двигаться».

Но шли дни, а видимого улучшения не наступало. Я напряженно вслушался в разговор, боясь пропустить хоть слово.

– Анна Анатольевна, трудно сказать. У Антона серьезные повреждения. Никакой гарантии дать не могу. Будем надеяться, будем надеяться. Молитесь.

«Стоп! Это он о чем сейчас? На что он не может дать гарантии?» – Паника уже душила меня, я тяжело дышал, но глаза держал закрытыми.

– Но руки у него начнут двигаться? – В голосе мамы слышались слезы.

– Пятьдесят на пятьдесят. При таких повреждениях, как у Антона, бывает, паралич полностью проходит, но это из раз-

ряда чудес. А они потому так и называются, что случаются очень редко.

– Я не понял! – хрипло вырвалось у меня. Голос после всех трубок не был похож на мой. Он сипел, дрожал, куда-то проваливался или срывался на фальцет.

– Антошечка, ты проснулся?

Я увидел, что рыжий доктор направился к двери, и закричал:

– Я что, никогда больше не буду ходить?

– Ну, не надо так категорично...

– Ответьте мне! Я бу-ду хо-дить?

– Мы надеемся.

Ответ прозвучал тихо и неуверенно. Я глубоко вдохнул, захлебываясь отчаянием, и вдруг страшный звериный вопль вырвался из моего горла. Он жил сам по себе, отдельно от меня, поднимался к потолку, отталкивался от стен и обрушивался на головы всей тяжестью отчаяния. Ко мне бросились медики. Они что-то вкололи в трубочку, которая тянулась от моей ключицы, и почти сразу свет померк.

С этого дня я запретил себе думать о Рите. Нельзя! Табу! Она не должна знать, куда я исчез. Да, я эгоист, до безумия хочу, чтобы любимая жена была рядом. А что дальше? Каково это – жить с парализованным инвалидом, у которого работают только одни глаза? Менять памперсы, обрабатывать пролежни, наращивать мышцы, чтобы переворачивать меня в постели для смены белья? Нет, не такую судьбу я хотел для

своей женщины. Не такую!

Три месяца я провел в реанимации. Как только мне разрешили перемещения, родители увезли меня в Германию. Мать оставила бизнес на попечение своих директоров, продала особняк и купила квартиру в Берлине. С тех пор я в России не был.

Я положил ладони на перила и подтянулся. Руки дрожали. Смогу ли перекинуться через высокий борт? Левая работала еще плохо. Я с трудом мог удержать простую книгу, не то, что тело взрослого мужчины, пусть даже слабое и похудевшее. Придется опираться только на правую, но выдержит ли она вес?

Ладно, зачем размышлять? Принятые решения не отменяют. Я крепко уцепился пальцами за перила, дернулся вверх и упал животом на борт. Пластиковая перегородка закачалась, но выдержала. Отлично, первый этап завершен. Теперь нужно просто перевалиться и... здравствуй, свобода!

Я несколько раз представлял этот момент. Тело погружается в теплую воду южного моря. Мои глаза открыты, но вокруг чернота. Я раскидываю руки и ноги и наслаждаюсь полетом. Вижу Риту. Она где-то наверху. Протягивает ко мне руки и зовет, зовет...

Телефонный звонок раздался у самого уха, я вздрогнул и

упал в кресло на край сиденья. Моя «Мейра» подалась назад, и я приземлился тощим задом прямо на палубу. Ко мне бросились все. Еще бы! Более громкой попытки расстаться с этим миром я и придумать не мог.

– Антошка, господи! Что случилось? – закричала мама. Она опустилась рядом на колени, взяла мое лицо в ладони и внимательно посмотрела в глаза. – Как ты мог упасть?

– Не трогай меня! – дернулся я. – Дима, помоги.

Отец и охранник посадили меня в кресло и пристегнули ремнем. Телефон разрывался рингтоном.

– Сын, ничего не понимаю, – качал головой отец. – Мы купили тебе самое устойчивое кресло. А может?

В его глазах появилась надежда.

– Не может, пап. Мобильник зазвонил, я дернулся, вот и свалился.

– погоди! Завтра мы снова пойдем к врачу. Раз ты сумел дернуться, значит... Господи, сынок. Это же здорово! Первый раз за пять лет твое тело отреагировало.

– Хорошо, пойдем, – устало ответил я.

Не объяснять же родителям, что я сам подтянулся на руках, потому что хотел прыгнуть в воду. Нет, второго шанса у меня не будет. Меня посадят под замок на сильные препараты, которые полностью отключат волю к каким-либо решениям и действиям.

Телефон заверещал опять. Я взял его в руку и с трудом подавил желание выбросить за борт. Посмотрел на экран –

Макс. В последние годы мы общались редко. Старые друзья иногда звонили, но я избегал контакта, чтобы не травить душу воспоминаниями о былых деньках.

У них своя жизнь, полная приключений и наслаждений, у меня своя. Я нехотя ответил на звонок.

– Антоха, ты где? – кричал в ухе Бей.

– В смысле? – не понял я. – В Израиле. Ты же знаешь.

– Нет, конкретнее. В каком месте? Мы едем к тебе в гости.

– Кто мы? – я все еще не врубался.

Сорвавшаяся попытка расстроила меня. Придется теперь снова ждать удачного момента.

– Я, Пашка и Маша. Представляешь, Машку выбрали лицом рекламной кампании дома Версаче! У нее в Израиле крутой фэшн-показ, вот и мы с Блонди решили слетать. Ее поддержать и с тобой заодно повидаться.

Он говорил, но у меня в душе ничего не шевелилось. Я был рад за Машу, но как-то отстраненно, что ли. Просто воспринял информацию как факт, и все. Первое время я следил за жизнью друзей, переживал и... завидовал. Кипел от злости, что они продолжают развлекаться, а я прикован к постели.

Они навещали меня, пока я лежал в больнице, были преувеличенно веселы и бодры, болтали о новостях универа, трещали о преподавателях и студентах, рассказывали, кто и где прокололся. Я слушал, моргал глазами, вставлял редкие реплики. Друзья отводили взгляды и быстро прощались. По-

том их визиты стали реже, а когда мы переехали в Германию, и вовсе прекратились.

Какое-то время они связывались со мной по скайпу, но один раз рядом не оказалось никого, чтобы ответить на звонок, а сам я тогда был еще не в состоянии нажать на кнопку. Так наше общение и сошло на нет.

– Антон, кто это? – нетерпеливо спросила мама. Она напряженно вслушивалась в разговор: мне звонили все реже.

– Парни. Моя банда.

– Приглашай их в гости.

– Хорошо, – с заминкой ответил я. – Макс, мы сейчас на яхте. Вернемся только ночью.

Я назвал адрес виллы. За ужином я неожиданно поймал себя на мысли, что больше не думаю о маслянистой черноте за бортом. Встреча с друзьями неожиданно взволновала меня. Это как вернуться в старую жизнь, где была Москва, универ, развлечения в клубах и... Рита.

Глава 4

Рита

Собрались мы с Леночкой быстро. Она положила в свой рюкзачок с изображением Эльзы игрушки, заколки, резинки и бантики – моя девочка была большой модницей. Я приготовила сумку со сменной одеждой и кинула туда тетрадь с записями рецептов: вдруг и правда придется готовить. Азамат не отстанет.

Мы сели на дорожку, посмотрели дружно в зеркало, вышли из дома и зашагали к станции.

– Привет, Рита! – поздоровалась соседка. – В Москву собралась?

– Да! – крикнула в ответ Леночка. – Мы поехали в гости.

– А к кому наша стрекоза собралась? – Баба Аня порылась в сумке и вытащила горсть карамелек. Дочь спрятала руки за спину. – Ну, что ты, бери!

– Мама говорит, что у чужих ничего нельзя брать, – заявила дочь и нахмурила светлые бровки.

У меня чуть сердце не остановилось: так она в этот момент была похожа на Антона. От меня ей достались только волнистые волосы, а в остальном дочка – точная копия отца. Я отвернулась, чтобы не напугать Леночку и соседку непрошеными слезами. Казалось бы, прошло уже пять лет, но до сих пор не знаю, куда пропал мой муж.

– Лена, баба Аня – наша соседка. У нее можно взять угощение, – разрешила я.

Мы попрощались и пошли своей дорогой. В электричке дочка достала куклу и стала с ней играть, а я смотрела в окно на мелькавшие кусты, деревья, придорожные поселки и вспоминала.

Несколько дней после исчезновения мужа я терпела. Ре-

вела в подушку и над раковиной в кафе, но терпела.

Все донимали меня расспросами, но я выкручивалась как могла. Какие только мысли не лезли в голову в эти дни! От «Козел, он меня бросил!» до «О боже! Что-то случилось».

Тайком я съездила к дому Антона. Постояла возле ограды в надежде, что он вот-вот покажется. Но как только открылись ворота и выехала машина Анны Анатольевны, я спряталась за кустами и затряслась от страха. Что я ей скажу? Зачем приперлась? Решит еще, что прошу любовь ее сына, как милостыню.

Я вернулась в Москву. Раз мать дома, значит, и сын где-то рядом.

Но сердце не успокаивалось. Я не понимала причины исчезновения Антона и почти заболела от тревоги и отчаяния.

– Так! Хватит! – крикнула Анжела, которая внимательно наблюдала эти дни за мной. – Рассказывай!

И я сорвалась. Выплеснула на подругу всю боль и обиду. Она поохала, поахала, но бросилась мне помогать.

Мы вместе с Анжелой по видео, которое прислал Максим, разыскали университет Антона. И первым человеком, кого мы встретили, когда пришли, была его бывшая. Мария выходила из здания – сама царица Нефертити удостоила однокурсников визитом.

Шубка «автоледи» из норки, высокие сапоги-ботфорты, идеальный макияж и укладка – все говорило об элегантности и богатстве.

Я почувствовала себя провинциалкой, которая непонятно почему путается под ногами у великосветской дамы. Если сравнивать людей с собаками, то Маша – это благородный пудель, а я – дворняжка с высунутым от усердия языком.

– Что ты здесь забыла? – выпалила красавица-модель, едва заметив меня.

– Я хочу встретиться с Антоном.

– Нет его! Он теперь в универе не учится! Убирайся! – сквозь зубы процедила она, но ее голос почему-то дрожал.

Я опешила: как не учится? Несколько дней назад любимый именно в этом холле целовал резиновую бабу, а теперь не учится? Вот злобная гиена!

– Э, подруга, – пошла на модель грудью Анжела, пока я приходила в себя от информации. – Какого хрена разоралась? Жена пришла к своему мужу. Имеет право.

– И кто у нас жена? – Маша вытаращила от изумления глаза.

– Во!

Анжела схватила мою руку и показала палец, на котором сияло новенькое колечко.

– Девки, вы дуры? Антон поспорил с Пашкой, что ты влюбишься в него, как кошка. Вот и все! Он доказал, что настоящий мачо. Его сладкие речи – обман, а ваша свадьба – фальшивка. Так что валите в свою подворотню, пока я секьюрити не позвала!

Анжеле такое говорить нельзя!

Она вцепилась в красивую прическу модели мертвой хваткой. Маша ответила тем же. Прибежали охранники, разняли их, но тут подроспела полиция. В результате я опять оказалась в участке, ничего толком не узнав об Антоне.

Мария о чем-то пошептала с дежурным, и ее сразу отпустили. Нас с Анжелкой мурыжили еще два часа. Мы вернулись домой не солоно хлебавши, злые, голодные, но полные решимости довести дело до конца.

Еще несколько дней пролетели как в тумане. Я все время размышляла о словах Маши, наконец разыскала на сайте университета номер телефона кафедры и позвонила.

– Антон Стрельников? – переспросили меня. – А он... – Но тут женщину перебили. Я слышала отдаленные голоса, которые спорили, потом собеседница вернулась ко мне. – Простите, но я не могу разглашать личную информацию. Скажу только одно: этот студент взял академический отпуск до следующего года.

Вот так номер! Я беспокоилась уже не на шутку, но не за себя, а за Антона. Теперь я точно была уверена, что с ним что-то случилось.

– Рита, давай съездим в загс и восстановим ваше свидетельство о браке. У тебя будет документ на руках. Можно смело бороться с матерью Антона.

– Погоди. Я ничего не понимаю. Мне тревожно. Нет, Анжела, я схожу с ума от беспокойства. Что-то случилось. Я сердцем чувствую.

– Не выдумывай! Эта фифа права. Пацаны поспорили на тебя, Антоха выиграл пари и слинял. Не зря он деньги положил на тумбочку. Расплатился с тобой за услугу. Хорошо хоть было? Понравилось?

– Отстань от меня! – закричала я и выбежала из общежития.

Но Анжела была права. Как ни твердила я себе, что Антон меня любит и не может поступить так со мной, факты говорили об обратном.

– Мама, – дернула меня за руку Леночка, – поезд останавливается.

Я очнулась. Мы вышли на перрон и направились к метро, крепко держась за руки. Я до ужаса боялась привокзальной суеты. Толпы людей с баулами окружали нас, и приходилось пробираться сквозь толпу в постоянном напряжении.

В кафе нас уже ждали. Леночка сразу побежала за Сенькой. Черноволосый и черноглазый мальчишка был только на два месяца старше, но вел себя как взрослый и все время опекал мою дочь. Я передала сумку подросшей Людмиле и повернулась к Степану.

– Рита, я так рад тебя видеть!

Он подошел ко мне и наклонился, чтобы поцеловать, но я подала руку. Со Степаном мы подружились давно. Когда

он проводил досмотр в дубовой аллее особняка Стрельниковых, я даже предположить не могла, что этот парень станет моей поддержкой и опорой.

Правду говорят, что дружбы между женщиной и мужчиной не бывает. Я относилась к Степану как к доброму приятелю, хотя он испытывал ко мне другие чувства.

– Ну, что вы как неродные! – из кухни колобком выкатился Азамат. – Ритка, садись вот сюда. Сейчас угощать буду. А дочка где?

– Твой Семен ее куда-то утащил.

Я крепко обняла бывшего босса. Он пах южными специями, жаром кухни и чуть-чуть мужским парфюмом – такие знакомые, но забытые ароматы.

– Вот пострелец! Знает, как красавиц обхаживать, – расплылся в улыбке гордый отец и заспешил обратно в кухню.

– Рита, – Степан взял мою руку, – я так давно тебя не видел!

– Неправда, – засмеялась я. – Мы несколько дней назад болтали по скайпу.

– Это совершенно не то! Ты стала еще прекраснее.

– А вот это не надо! Я такая же, как и раньше. – Я так и не научилась принимать комплименты. Мне всегда казалось, будто за красивыми словами скрывается ложь.

– Зря ты о себе так думаешь!

Наступила неловкая пауза. В кафе я не была уже больше года и теперь с любопытством огляделась. Здесь многое из-

менилось. Азамат Григорьевич сделал хороший ремонт и одну стену выделил для фотографий. Я сразу вспомнила, что это нововведение предложила ему я, и слезы навернулись на глаза.

– Ох! Смотри!

Я вскочила и подошла ближе.

Вдоль всей стены тянулись аккуратные веревочки, на которых прищепками были закреплены фотографии.

– Азамат Григорьевич, а почему на прищепках?

– Ну, понимаешь, дорогая, – Азамат выглянул в раздаточное окно, – Людмила не захотела портить стенку. Вдруг гостям это новшество не понравится! Придется снова ремонт делать.

– Но здорово же!

– Да, я и сам удивляюсь. Молодежи много стало заходить. Все время просят селфи сделать. Я и фотоаппарат специальный купил. Видишь, на стойке лежит, – он махнул рукой в сторону.

– Вот! Я о том и говорю. И убери ты свою кавказскую кухню из меню! Сделай кафе приютом для влюбленных.

– Тогда и название придется менять.

– А что, денег жалко?

– Возвращайся в Москву, – неожиданно предложил Степан, – сама и займись дизайном.

– Точно! Рита, возвращайся. – Из кухни появилась Людмила с подносом в руках. Она шустро расставила тарелки и

подошла к нам. – Мы ничего не смыслим с оформлении или в новых трендах, а ты у нас специалист с дипломом.

Я опешила от такой атаки. Складывалось впечатление, что меня специально вытащили из Любимовки, где я зализывала старые раны, чтобы хорошенько обработать.

– Но мне жить негде! – неуверенно отмахнулась я.

– Это не проблема, – сказал Степан. – Пока остановитесь у меня.

– Где?

– В моей квартире.

Я ничего не ответила: не привыкла принимать скоропалительные решения. Только один раз я поддалась эмоциям, теперь буду расплачиваться за эту слабость всю жизнь.

Я пошла вдоль стены, разглядывая фото. Незнакомые, но очень счастливые лица. Я уже повернулась к друзьям, но вдруг замерла и посмотрела назад.

Что это? Я кинулась в угол. На самом первом снимке стояли мы с Антоном. Он держал мою руку и смотрел не в объектив, а на меня. И столько любви было в его серых глазах, что сердце сжалось от волнения и тоски.

Глава 5

Антон

Морская прогулка закончилась благополучно и мне понравилась. Я чувствовал эмоциональный подъем, поэтому с удовольствием поел и даже выпил бокал вина под постоян-

ное ворчание мамы.

— Аня, оставь парня в покое! — наконец не выдержал отец. — Пусть отдохнет хорошенько. Завтра ему опять ложиться в клинику. Процедуры, обследование, то, се!

— Но, — не соглашалась мама, — алкоголь в крови испортит картину анализов.

— Ничего он не испортит!

Я слушал их и потягивал вино. Пока они решали, можно ли мне пить спиртное, в голове зашумело, а на душе стало легко и весело. Пальцы сами тронули рукоятку кресла, и оно мягко поехало к бортику. Но теперь я хотел просто полюбоваться ночным небом и мириадами звезд, раскинувшихся над головой.

Вдруг я увидел, как черное небо прочертила быстрая молния, пригляделся и заметил еще одну, потом еще...

Это было, как чудо. Пора звездопада приходится обычно на август, но поздней осенью светящиеся полосы можно увидеть очень редко.

Я как-то прочитал о древней легенде, которая гласила о том, что каждый человек имеет свою звезду. Она загорается на небосклоне, когда он рождается, а после его смерти спешит упасть на землю и погаснуть. В этот момент она и исполняет любое желание, загаданное человеком. Если же кто-то не успел придумать желание, то значит, что он не хочет чего-то слишком сильно, либо его желание просто не сбудется.

Я напряг зрение и приготовимся ловить свой момент сча-

стья. Мое желание было огромным и настолько сильным, что могло свернуть горы. Оно появилось откуда-то изнутри и заполнило душу и голову целиком.

И тут... молния... опять...

«Я хочу увидеть Риту!» – выпалил я и зажмурился изо всех сил.

Когда открыл глаза, понял, что нет уже светящейся полосы. Почему возникло именно это желание, я даже не задумывался, настолько оно было естественным и выстраданным.

– Что ты здесь увидел? – спросил отец за моей спиной.

– Падающие звезды.

– Желание загадал?

– Ага!

– Будем надеяться, что исполнится.

Я усмехнулся. Если бы папа знал, что я загадал!

Мы вернулись на виллу почти ночью. Впервые за долгое время я спал без сновидений и наутро встал в хорошем настроении. Весь день сидел на веранде или на причале под надзором охранника Димы и с нетерпением поглядывал на трассу. Каждая машина, мелькнувшая вдалеке, вызывала радостное возбуждение. Но ни одна из них не свернула на нашу дорогу.

День подходил к концу. Приподнятое настроение испортилось и стало как прокисшее молоко – горьким и противным.

– Дима, я хочу домой, – сказал я охраннику и положил

руки на колени: пусть везет кресло. Не хочу им управлять.

Душу отравлял яд предательства. Казалось, что все меня бросили, не хотят общаться. Я понимал, что несправедлив. Это я оборвал контакты, первый перестал отвечать на звонки и СМС, но все равно было обидно.

Дима толкал кресло, как вдруг мои уши уловили звук приближавшегося мотора.

– Стой! Поверни!

Охранник вздрогнул, но выполнил приказ. От близкой трассы в нашу сторону направлялась белая машина. Она быстро приближалась. Я задрожал, схватился за рукоятку «Мейры», завел мотор и поехал навстречу. Мощное кресло, стоимость которого была не меньше миллиона, походило на миниатюрный автомобиль. У него были толстые автомобильные колеса. Оно легко преодолело береговую полосу и выбралось на асфальтированный участок перед домом.

Мы прибыли одновременно. Мое сердце колотилось как бешеное, пока я наблюдал, как из машины вываливаются мои друзья.

Макс поздоровел. Его уже нельзя было назвать тощим. Он сменил длинные волосы на строгую прическу бизнесмена, драные джинсы – на классические шорты. В ушах уже не блестяли сережки пирсинга. Только один маленький бриллиант пускал иногда светлый луч.

У Блонди исчез хвост. На его месте красовался короткий ежик. В сочетании с модной трехдневной щетиной его при-

ческа выглядела стильной.

Маша, казалось, стала еще выше. Что-то изменилось в ее лице. Я нахмурился. Точно! Брови разлетелись на лбу, как два идеальных крыла, губы заметно увеличились, а грудь словно надулась. Жертва пластической хирургии. И уже Маша походила на ту резиновую куклу, которую я когда-то поцеловал на спор в холле университета.

Друзья остановились у распахнутых дверей, на секунду замерли, а потом увидели меня и закричали:

– Антоха! Привет! – кинулся Макс.

– Бро! Как ты? Выглядишь молодцом! – вторил ему Блонди, хлопая меня по плечу.

– Антошечка, – наклонилась за поцелуем Маша. Для этого ей пришлось сложиться чуть ли не напополам. – Я так соскучилась, – томно пропела она прямо мне в ухо.

– Ты теперь на этой штуке рассекаешь? – Макс обошел вокруг кресла. – Классно!

– А экзоскелет не пробовали? – вставил свое Пашка.

После первого порыва радости в его глазах заплескалась тревога. Я был искренне тронут. И чего, дурак, от друзей прятался!

– Нет, – раздался сзади голос мамы. – Экзоскелет – это крайняя мера. Пока у нас есть еще надежда, что Антон полностью восстановится.

– Правда! – Маша захлопала в ладоши. – Это так здорово!

– Ребята, проходите в дом. Я уже накрыла стол.

Мы шумной толпой направились к крыльцу. Макс и Пашка кинулись ко мне, желая помочь, но я гордо нажал на ручку «Мейры», она заурчала и, как настоящий вездеход, заехала по пандусу.

– Класс! Вот это зверь! – восхищался Макс. – Антоха, дай покататься!

– Мальчики, что вы как маленькие! – капризно надула губки Маша. – Антону кресло нужно для дела, а вам для баловства.

Максим смутился, а я разозлился. На какой-то призрачный момент я почувствовал себя здоровым и бодрым, будто не было пяти лет страдания и боли.

– Обязательно дам. А сам пересяду временно на другое. У меня целый гараж этих друзей, – весело ответил я и похлопал «Мейру» по колесу.

Мы ужинали, болтали. Макс рассказывал, что теперь работает в отцовской фирме. Пашка стал одним из директоров холдинга и постепенно забирает управление в свои руки. Его родители перебрались в Майами, и отец все больше отходил от дел. И вообще, я его не узнавал. Он совершенно не походил на того злого и вредного Блонди, которым был в универе. Его даже детским прозвищем теперь стыдно было называть.

Сейчас передо мной сидел грустный человек с теплыми карими глазами. Он иногда поглядывал на Машу, но по-прежнему держался в стороне.

Машка села за стол рядом. Она подкладывала мне на та-

релку лакомые кусочки и все время норовила что-то засунуть в рот. Я разозлился.

– Машка! У меня проблема с ногами. Есть я вполне могу сам.

– Но твоя рука... – она скосила глаза на левую кисть, безвольно лежавшую на коленях.

– Она работает. Смотри!

Я демонстративно переложил вилку в левую руку, наколол огурец и сунул его в рот.

– А мне показалось...

– Когда кажется, креститься надо, – засмеялся Макс, но посмотрел на хмурого Блонди и осекся. – Ладно, я не хотел никого обидеть.

– Машенька, помоги мне, – позвала мама.

– Уф! Наконец женщины оставили нас одних, – засмеялся папа. – Давайте переберемся на веранду. Здесь, у моря, просто потрясающие ночи. Вчера Антон даже падающие звезды видел и желание загадал.

Мы сели на веранде. Пашка прислонился спиной к столбу, Макс качался в кресле.

– Боже! Как здесь здорово! – воскликнул он. – Когда женюсь, обязательно куплю здесь дом.

– Летом в Израиле жарко, – не согласился папа. – А вот в это время очень даже неплохо. А что, у тебя кто-то уже на примете есть, раз задумываешься о женитьбе?

– Да, встретил тут одну... – Глаза Макса подернулись меч-

тательной дымкой.

Мы немного помолчали, думая каждый о своем.

– Коля, помоги мне! – позвала отца мама.

– Слушай, – оживился Макс, – а помнишь девчонку, из-за которой мы разругались перед той аварией?

Его вопрос был как ушат холодной воды мне на голову. Я напрягся, не зная, что ответить.

– Макс, забей! – лениво ответил вместо меня Блонди. – Молодые были, дурные. Много чего сделали, за что теперь стыдно.

Я вытаращил глаза. Что это? Пашка раньше был просто не способен говорить о высоких материях, и понятие «совесть» ему было неизвестно.

– А я помню, – на веранде появилась Маша с подносом в руках. – Я из-за вашего пари столько слез тогда пролила! Да и бунт Антона, видите, чем закончился!

Ее глаза заблестели от навернувшихся слез.

– Ну, попасть в аварию на обледеневшей дороге мог кто угодно из нас, – возразил ей Макс. – Одно с другим не связано. Вспомни, как гоняли!

– Одно дело – гоняли вы, а тут Антошку сбили.

– Так нашелся такой же, как мы, – продолжал спорить Макс.

– Ладно, хватит об этом! – оборвал перепалку Пашка.

Он еще больше помрачнел и отвернулся. «Ага! – позло-радствовал я. – Понял, что тогда был неправ!» Эта мысль

грела душу.

– Ой, мальчики! – воскликнула Маша. – А я ведь видела эту девчонку. Вы не поверите!

– Когда? – крикнули мы хором: Макс и Пашка удивленно, а я сипло. Отчего-то вдруг перехватило горло, свело его судорогой.

– Через несколько дней после аварии она пришла в универ, разыскивала тебя, Антошечка!

– О боже! – Макс забегал по веранде. – Нищевродка, кажется, решила поиграть в Золушку. И что она хотела?

Я замер. Нет, я буквально окостенел в ожидании ответа. Не мог шевельнуть ни пальцем, ни бровью. Загаданное желание начало сбываться самым неожиданным образом.

– Она ничего не говорила, а вот наглая подружка трясла ее пальцем с кольцом и вопила, что эта девица пришла разыскивать своего мужа.

– Мужа? – охнул Макс. – Но мы не успели сыграть игрушечную свадьбу! Ну ты, Антоха, даешь! Зачем тогда резиновую бабу целовал? Ты же выиграл пари! Блонди, отдавай яхту!

Пашка его не слушал. Он стоял спиной к нам и смотрел на море. Смутные подозрения шевельнулись в моей душе. А вдруг Блонди знал о том, что я женился? Странно, и свидетельство о браке, которое я взял с собой, чтобы показать родителям, тоже бесследно исчезло.

Глава 6

Я кинулась в угол и сдернула фотографию с веревки. Руки у меня дрожали – значит, дело плохо, нервы на пределе. «Что это? Зачем так? Они издеваются?» – кричало все внутри.

Пальцы свело судорогой, так хотелось посмотреть на снимок, но я намеренно разорвала его на мелкие кусочки. Слышала, как сзади охнула Людочка, но не обратила внимания. В меня будто бес вселился.

Снова к стене. Глаза выискивают оставшиеся фото. Вот! Еще одно! И его постигла участь первого. Я нашла пять снимков и все разорвала в клочья, ни разу не взглянув.

– Вы издеваетесь? – как безумная цедила я сквозь зубы. – Вы решили пошутить?

– Рита, не надо! – бросилась ко мне Людмила.

Она схватила меня за руки, не давая уничтожить последнее. Вдруг кто-то сзади с силой сжал мои плечи, притянул к себе и встряхнул.

– Остановись уже! – раздался голос Степана. – Дети смотрят. Напугаешь!

Его слова привели меня в чувство. Я замерла, обвела взглядом кафе, но видела всех будто сквозь пленку. Силуэты расплывались, двоились и подергивались радужной дымкой.

– Зачем вы так? – уже тише выдавила я.

Степан, обняв меня, усадил за стол и сунул в руку стакан с водой. Подбежала Леночка.

– Мамуля, тебя кто-то обидел? Не плачь, – она ткнулась мне в колени и заревела в голос. – Прости-и-и меня-я-я! Это все Сенька. Он Кате голову оторвал.

– Какой Кате? – не понимая, о чем речь, я уже переключилась на ребенка.

В ее руках болтались голова и туловище тряпичной куклы, которую она взяла с собой.

– Куклы. Я больше так не бу-у-уду-у-у! Мамочка, я больше так не буду! Сенька потянул за ноги, а я за волосы. Я не знала, что она порве-е-ется.

У моей малышки была настоящая истерика. Слезы градом катились из глаз, губешки дрожали, щеки покраснелись. А в дверном проеме трясся от страха Сенька.

– А что я! Я только дернул!

– Ах ты! – махнула рукой Людмила.

Сенька мгновенно исчез с глаз долой. Через секунду из кухни раздался дикой вой! Людмила кинулась к сыну, а я успокаивала дочь.

– Что ты! Что ты, солнышко! – Я испугалась реакции ребенка и окончательно пришла в себя. – Ты лучшая девочка на свете. Я тебя очень люблю.

– Ты больше не плачешь? – Теплые ладошки провели по моим глазам и размазали остатки макияжа.

– Нет, конечно. Пошли, умоемся вместе. А голову пришьем, не волнуйся.

Успокоив дочь, я вернулась к друзьям, испытывая неволь-

ное смущение: и правда, чего завелась? Дела давно минувших дней, как говорится. Но снимок на стене был настолько неожиданным, что я сорвалась.

– Рит, ты только не обижайся. Мы не специально, – начала Людмила, вернувшись к столу. – Мы эту стену сделали, как ты просила, а повесить было нечего. Вот Азамат и вспомнил, что снимал вас с Антоном на свадьбе. Надо же было посетителям показать, что с этими веревками делать. Там и наши фотки висят. Смотри.

Людочка встала, переваливаясь, как утка, сбегала в угол и принесла еще несколько фото. Действительно, на них сияли улыбками счастливые молодожены, и у невесты был замечен округлившийся животик.

– Ладно, простите меня за срыв. Это от неожиданности. – Теперь мне стыдно, я повернулась к Степану и только сейчас заметила странное выражение его лица. – А тобой что случилось?

– Я не понял, с какой свадьбы были эти фотографии?

Мы с Людмилой растерянно переглянулись. Я совершенно забыла, что о той несчастливой свадьбе знал только узкий круг людей.

После нашего с Анжелой визита в университет я на несколько дней потеряла контроль над своей жизнью. В го-

лове сидело только одно слово – предательство. Человек, который клялся мне в любви, говорил, что не может без меня жить, который обманул семью и тайно женился, вдруг оказался банальным предателем и подонком. Я этого не могла ни понять, ни простить.

Я забросила учебу, на работу ходила только потому, что надо было на что-то жить, а милостыню у людей и Бога просить не умела. В моем тогдашнем состоянии все для меня стали предателями. Анжела поручила дяде Васе не спускать с меня глаз, в колледже прикрывала как могла. В один прекрасный день не выдержала и сказала:

– Все, хватит. Звони своему охраннику.

– Кому? – растерялась от неожиданности я.

А потом сообразила: точно, Степан! Через него можно узнать, куда пропал Антон. Не мог он бросить учебу только для того, чтобы я его не нашла. Видимо, в моих глазах было что-то такое, что Анжела забеспокоилась.

– Э, погоди! Не торопись! Ты не придумывай себе лишнего.

Но я уже набирала номер охранника. Он внимательно выслушал мою сбивчивую речь и ответил:

– Хорошо, я узнаю. Только, девушка, будьте с этой семьей осторожнее.

Я в крайнем возбуждении бегала по комнате, пока ждала ответ, а в голове перебирала всякие варианты. Антон болеет. Вполне возможно, мать потому и заставила его взять

академический отпуск. Пневмония – не шутки. А он только немного встал на ноги и сразу свадьбу организовал. Я тут же вспомнила, как он ждал меня на крыльце загса в расстегнутой куртке, а в тот день резко похолодало и вот-вот должен был пойти снег.

Не успел зазвонить телефон, а я уже держала его у уха.

– В общем... Тебя, кстати, как зовут? – спросил Степан.

– Рита.

– У семьи Стрельниковых что-то случилось, но никто толком не знает что.

– Господи! Надеюсь, все живы! – Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Не знаю. Хозяева внезапно, без объяснений, переехали в свою квартиру в Москве. Всех сотрудников уволили с выходным пособием на три месяца.

– Как уволили? – От этой новости у меня подкосились ноги. Я плюхнулась на кровать и чуть не ударилась головой о стену.

– Вот так.

– И вы ничего не узнали?

– Информация разная. Кто-то говорит, что у них серьезно заболел родственник. Какой, почему и чем – никто не знает. Другие слышали, как хозяйка звонила риэлтору и выставяла особняк на продажу. А у третьих совсем невероятная версия: их сын попал в серьезную передрагу.

– Какую? – Мое сердце так и ухнуло в пятки.

– Он кого-то сбил на машине.

– Но Антон был без машины, когда мы виделись в последний раз. – Я совершенно растерялась. Смутное воспоминание шевельнулось в голове, но, не успев оформиться в мысль, исчезло.

– Ну, не знаю. За что купил, за то и продаю.

– Простите, а вы можете мне прислать адрес их московской квартиры? – пошла я уже напролом. Неизвестность убивала, противоречивые сведения не давали успокоиться.

– Рита, ничего хорошего вам визит в этот дом не принесет.

– Мне все равно! Пусть мне в лицо скажут, что меня бросили, как щенка безродного под забором!

Я разозлилась. Надоело страдать и мучиться сомнениями.

– Хорошо, уговорили. Я сам вас отвезу.

Мы договорились о месте встречи, и через час я уже выходила из метро на Цветном Бульваре. Огромный жилой комплекс сиял огнями вечерних окон. В воздухе кружились легкие снежинки, но асфальт, к моему счастью, еще был только припорошен белой поземкой. Сапоги я себе так и не купила. В той жизненной неразберихе, в которой я оказалась, насущные проблемы отошли на десятый план.

Степан сам окликнул меня. Я бы прошла мимо высокого и крепкого парня в черной шапочке, натянутой на лоб, так как совершенно не помнила его.

– Рита? – спросил он, и я обернулась. – Если хотите навестить семью Стрельниковых, вам надо поторопиться.

– Почему?

– Мне позвонили ребята и сказали, что Анна Анатольевна ищет дом за границей. Даже не представляю, что в этой семье случилось, но это смахивает на бегство.

«Зато я представляю хорошо, – горько усмехнулась я. – Благородное семейство решило скрыться от провинциальной нищенки.

К горлу подкатила тошнота. Я сразу вспомнила свой обморок в колледже и испугалась, что грохнусь где-нибудь на улице. Анализы я тогда так и не сделала, не выяснила причину потери сознания.

– Пошли уже.

Мы направились к дому, но на пути нас остановила охрана. Шустрый мужичок в черной форме выскочил из домика и преградил нам путь.

– Молодые люди, вы куда?

– К семье Стрельниковых.

– Никого нет дома.

– Почему?

– Анна Анатольевна уехала с мужем еще два дня назад и пока не вернулась.

– А их сын Антон?

– Его я вообще не видел ни разу.

– Вот это новости! – присвистнул Степан. – Явно что-то случилось. Не мог же он испариться в воздухе.

Тревога костлявой лапой опять сдавила мое сердце. Я тя-

жело задышала и прислонилась к столбу, а потом все вокруг потемнело и исчезло.

– Рита! Да что с тобой! Опять задумалась!

– А? Что? – я посмотрела на друзей и Степана и вернулась в реальность. – Простите! Вы что говорите?

– Степан спросил тебя о свадьбе.

– Какой?

– Ритка, не тупи! Ты только что рвала фотки, теперь объясни парню, что это было.

– А что было? – посмотрела Степану прямо в глаза. – Я не могу с тобой встречаться. Видишь, замужем! – Показала ему палец, на котором блестело то самое колечко, что подарил мне Антон. – И развестись не могу, потому что не знаю, где мой муж.

Глава 7

Антон

Я наконец оторвал взгляд от Павла, который так и не повернулся лицом, и посмотрел на Макса. Ошарашенный услышанным, я только сейчас сообразил, что он оскорбил мою любимую женщину.

– Как ты сейчас назвал ту девушку? Нищевродка?

– Да. А что? – трусливый Бей растерялся. Его глаза забе-

гали по сторонам в поисках поддержки. – Она такая и есть...

– Кто тебе давал право судить людей? Деньги твоего отца? – сквозь зубы процедил я и сжал кулаки. Если бы мог, вмазал бы сейчас Максу по роже и расквасил бы ему длинный нос.

– Эй, Стрела! Ты чего? Не заводись! Вырвалось просто. Язык впереди головы сработал. И потом раньше ты сам таких девчонок называл нищелюбками. Вспомни, как мы прикалывались.

Я сжал челюсти, чтобы не заорать от бешенства. Усилил воли сдержал порыв. На меня смотрели и мама, и отец, и друзья. Такая реакция им точно покажется странной. Мать вообще может решить, что у меня проблемы с головой, лечить активно начнет.

– Забудь, – махнул я рукой и задержал дыхание.

– И правда, Макс, – Пашка повернулся к нам, – прикуси свой язык, чтобы не болтался без дела.

– Мальчики, – встала между нами Маша, – вы столько времени не виделись, а уже успели поцапаться. Эта девчонка как проклятая змея: одно упоминание о ней – и вы сразу ядом плюетесь.

– О какой девчонке вы говорите? – вступила в разговор мама.

– Да о той...

– Так! – крикнул я, чтобы увести разговор от опасной темы. – Кто первый на «Мейре» катается?

– Я хотел, – оживился Максим.

– Дима, пересади меня.

Я привычно схватил охранника за шею, он просунул руки под мои колени. Один рывок – и я уже сижу в кресле по-проще, а Маша заботливо укрывает мне ноги пледом. Она намеренно щекочет мне щеку длинными волосами, но я старательно отодвигаюсь: еще не отошел от вспышки гнева.

– Я ночью приду к тебе, – шепнула мне на ухо Машка.

– Куда придешь? – удивленно вскинулся я.

– В спальню, – чмокнула она меня в щеку и засмеялась.

У меня чуть челюсть не отвисла. Вот это номер! Кажется, Мария не понимает, что у меня не только ноги не работают, но и детородный инструмент тоже в отключке. Нет, он иногда поднимается, но независимо от меня, будто живет своей жизнью. Просто опускаю глаза – торчит, но я при этом совершенно ничего не чувствую. Это был еще один момент, из-за которого я не стремился связаться с Ритой.

Я покачал головой: пусть приходит, пора девочку избавить от иллюзий. Может, еще и памперс попросить мне поменять?

Маша убежала, а я поймал хмурый взгляд Пашки. Он смотрел исподлобья, словно хотел меня ударить. Возникло ощущение дежавю. Прошло пять лет, но между нами ничего не изменилось. Друзья-враги. Просто мурашки по коже бегут.

Неужели он до сих пор сохнет по Машке? Так я теперь не

мешаю. Вперед, держай!

«Нет, не может быть!» – сомневался я, наблюдая, как Макс крутится по песку на «Мейре». Не бывает такой долгой безответной любви.

Хотя... я сам постоянно вспоминаю Риту. И даже иногда заглядываю на ее страничку в соцсетях, но она будто исчезла с экрана радара: нет ни фотографий, ни переписки с друзьями. Страничка есть, а хозяйка отсутствует.

Час мы бесились на берегу. Если бы не мои неподвижные ноги, можно было бы даже поверить, что мы снова в юности, снова вместе и понимаем друг друга с полуслова. Но я-то знал, что изменился. И они тоже. Мы просто играли в дружбу, а на самом деле наши пути разошлись, как в море корабли.

Мама оставила друзей на ночь. Почему бы и нет. Вилла огромная, спальных комнат много. Горничная, которая работала в доме, приготовила мне чистую постель, отец помог привести себя в порядок. Наконец я вытянулся на прохладной простыне, закрыл глаза и прислушался к себе.

Странно, сегодня я впервые задумался о своей дальнейшей жизни. Вот так плыл по течению, вяло перебирая ластами, ведомый родителями, и вдруг встрепенулсЯ. Не знаю, что стало толчком: встреча с бывшими друзьями или упоминание о Рите, но я вдруг захотел жить. Не существовать, как беспомощный инвалид, а жить по-настоящему.

Я вытащил телефон и полез в интернет. Захотелось под-

глядеть в замочную скважину, как справляются с подобными проблемами другие. Мне и раньше предлагали всякие психологические встречи и курсы по восстановлению, но я отказывался. А сегодня словно проснулся.

Маша подкралась незаметно. Я только услышал, как скрипнула кровать, посмотрел, а это она тянет на себя одеяло. В полумраке комнаты белело ее стройное тело, завернутое в шелковый халатик.

– Антошечка, – пропела она. – Я к тебе.

– Убирайся, пока никто не увидел, – прошипел я.

Но Маша меня никогда не слушалась. Она шевельнула плечом, халатик тихо заскользил вниз и свернулся у ее ног змеиной кожей. Она осталась совсем без одежды, красивая, стройная, соблазнительная. Я сглотнул, чувствуя приближение волнения: вдруг испугался, что нас застанут вместе, и тогда шаткое спокойствие этого дома сорвется к чертям собачьим.

Маша поиграла бедрами, отчего ее упругие полушария призывно всколыхнулись, дала полюбоваться собой, потом поставила колено на край кровати и наклонилась ко мне.

Ситуация смешнее некуда. Я схватился одной рукой за петлю, приделанную к спинке кровати, чтобы сесть, но ладонь сорвалась. От беспомощности хотелось кричать.

Пухлые губы прилипли к моему рту. Как давно это было! Я уже и забыл, каким сладким может быть поцелуй. Но как только Маша коснулась языком моих губ и захотела их раз-

двинуть, я встрепенулся.

– Уходи! Ты решила поиграть с инвалидом?

Маша гортанно засмеялась, но откинулась на подушку.

– Я еще таких красивых инвалидов не встречала, – проворковала она.

– А ты и рада? Уходи, Машка, не буди во мне зверя.

– А я хомячков не боюсь, – она положила ладонь мне на грудь и поехала пальцами вниз, – зато теперь ты никуда от меня не убежишь.

Я отодвинул ее руку. Ну не кричать же мне! Смешно звать на помощь в своем же доме. Скажут, что совсем в истеричку превратился.

– Маш, не дури!

– А что тут такого? Мы и раньше встречались. Подумаешь! После аварии ты на человека был не похож, а сейчас хоть на подиум выпускай. Кстати, не хочешь стать фотомоделью? Можешь кресла рекламировать и всякие приспособления.

Ее шаловливые пальцы уже ласкали мой живот.

– Модель, говоришь? Смотри тогда, – усмехнулся я и откинул одеяло. – Внимательно смотри.

Тощие и слабые ноги неподвижно лежали на простыне. За пять лет упругие мышцы превратились в рыхлое нечто, несмотря на регулярный массаж и занятия. Зад был плотно упакован в ночной памперс, такой же, какой надевают младенцу, только большего размера и без рисунков.

Маша вскрикнула и отдернула руку.

– Что это?

– Не видишь разве? Памперс, – злорадно ответил я. – Я не чувствую, когда мне надо в туалет. Этот процесс сам собой случается. Может и сейчас начаться.

– О боже! Как же ты, Антошечка?

Машка вскочила, нацепила халатик и кинулась к двери, но остановилась и растерянно посмотрела на меня, поняв, что ее уход похож на бегство. Она явно не ожидала такого приема от бывшего жениха и растерялась.

– Вот так! А ты хотела со мной сексом заняться. Не будет больше ни секса в моей жизни, ни невесты.

Она с визгом вылетела за дверь, но та снова открылась, и на пороге показался Пашка, словно он подслушивал у щели. Так, ночные визиты, кажется, еще не закончились. Он подлетел ко мне. Его глаза яростно сверкали в полумраке.

– Стрела, ты что Машке сделал? – выпалил он, схватил меня за плечи и встряхнул так, что голова больно отлетела назад.

– О, рыцарь появился! – хохотнул я. – Показать что-то? – я еще раз откинул одеяло. – Видишь, Маша памперса испугалась.

Пашка отскочил в сторону, будто его ужалили.

– Я не знал...

– Так что друг, я теперь тебе не соперник. Живи спокойно. Машка в полном твоём распоряжении, если, конечно, она

захочет тебя. За пять лет мог бы давно ее обработать.

— Мальчики, что здесь происходит? — в комнату вошла мама и включила свет. — Антон, ты почему раскрылся? Кондиционер работает.

— Все нормально, Анна Анатольевна, — пробормотал Пашка, натягивая на меня одеяло. — Мы просто разговаривали.

— Иди спать, Паша, уже поздно. Антону завтра в клинику ложиться.

Они вышли, и я наконец смог расслабиться. Друзья, как всегда, внесли в мою жизнь бурю, и только Рита спасала меня от их влияния. Сердце сжалось. Я вдруг понял, что, если сию же минуту не увижу ее, сойду с ума. Черт с ним, с табу! Плевать! Не хочу больше ничего себе запрещать! Не хочу!

Я достал телефон из-под подушки, куда сунула его Машка, и полез в «Инстаграм», потом в ВК. Но ничего нового не обнаружил. У Риты и раньше на аватарке стояло фото, где она была снята со спины. Я видел только край розовой щеки и кончик носа.

От разочарования хотелось выть. Я уже отложил телефон и вдруг сообразил: а если посмотреть сайт колледжа? Рита так дорожила своей учебой, что вряд ли ее бросила.

И здесь я ничего не обнаружил, но меня охватил поисковый азарт.

Общежитие — ничего. Ого! Есть номер телефона! Я тут же набрал его и замер в ожидании ответа.

— Да, слушаю, — кричал в трубке женский голос. — Кого

ночью черти принесли!

– С дядей Васей можно поговорить?

– Каким дядей? А-а-а, Смирновым? Так он здесь уже давно не работает.

В ухе раздались короткие гудки. Ладно, пойдем другим путем. Я набрал в поисковой строке название кафе. Таких забегаловок в Москве оказалось видимо-невидимо. Звонить ночью – значит не получить результата.

– Завтра, все сделаю завтра, – пробормотал я, засыпая, уверенный в том, что теперь точно не сдамся.

Глава 8

Puta

Опять наступила тревожная тишина. «И зачем я приехала? – терзала мою голову одна мысль. – Сидела бы у себя в Любимовке, работала в пекарне и радовалась жизни!»

Но сделанного не воротишь, придется пройти и это испытание до конца. Я смело посмотрела на Степана:

– Теперь ты понял, почему я всегда избегала тесного контакта с тобой?

– Да. Но... Черт! Как он посмел!

– Не ругайся! Дети!

Степан вскочил и заметался по кафе, как маятник: туда-сюда. Подбежал к двери, дернул табличку, на которой было написано «Закрыто», бросил. Выглянул на улицу, вернулся.

Его лицо помрачнело, на высоких скулах гуляли желваки, дыхание шумно вырывалось из горла. Я даже испугалась немного, так как он обычно казался спокойным и уравновешенным человеком.

Пять лет назад, когда я упала в обморок перед домом Стрельниковых, Степан не растерялся, не запаниковал, а положил меня в машину и отвез в первую по дороге клинику. Это оказалась простая больница для среднего класса. Я пришла в себя почти сразу, но меня положили на отдельную кушетку в приемном покое и осмотрели. Степан заставил меня сдать все необходимые анализы.

Я тогда даже не сопротивлялась, настолько была измотана переживаниями, постоянным чувством тревоги, которое сжигало меня изнутри, и тошнотой, рвавшейся из желудка.

Мне и в голову не пришло, что я жду ребенка. Молодая была, наивная, совершенно не просвещенная в этих делах девчонка. Я искренне считала, что после одного раза зачать невозможно. Какой же был шок, когда доктор принес результаты анализов и поздравил меня и Степана, думая, что он мой муж, с этим счастьем.

Пока охранник расплачивался за обследование, я сидела в шумном холле, уставившись в обшарпанную стену, и ничего не соображала. В голове звенела пустота. Мимо сновали па-

циенты в пижамах и халатах, их родственники и знакомые. Отовсюду неслись голоса, но они сливались в однообразный шум, который едва долетал до моего слуха.

«Ребенок? Как? откуда? И где Антон?» – путались мысли.

Тогда и появилась она. Я бы не заметила мать Антона, если бы не ее громкое, визгливое сопрано. Она стояла у стойки регистрации и на высоких тонах разговаривала с медсестрами, которые что-то отказывались для нее сделать.

Вот оно! Наконец-то я встретила того, кого искала сегодня. Почему в такой бедной больнице, я даже не задумалась. Просто пошла, как сомнамбула, к Анне Анатольевне и тронула ее за локоть.

Она повернулась.

Впервые в своей жизни я видела такие безумные глаза. Они прожгли меня насквозь, обдали ледяным холодом, отчего мне захотелось свернуться в клубочек, легким перекаати-полем умчаться вдаль и спрятаться в темном углу холла.

Анна Анатольевна посмотрела на меня, как на пустое место, перевела взгляд на медсестру, потом снова на меня.

– Что эта здесь делает? – процедила сквозь зубы она.

– Маргарита Васильевна проходила обследование, – ответила ей девушка.

– А-а-а... – протянула мать Антона как-то отрешенно. – Таких тоже лечат?

– Анна Анатольевна... – начала я.

Но она опустила плечи и пошла на меня, будто не виде-

ла. Я даже подумала, что она специально так сделала, чтобы напугать. Но она, не глядя, ткнула ладонью в мое плечо и процедила:

– Ты... нищенка... Убирайся с дороги, пока я охрану не позвала! Из-за тебя все!

Я растерялась и шагнула в сторону.

Анна Анатольевна побрела, сгорбившись и шаркая ногами. Я стояла пригвожденная к полу. Что это была за реакция? Что случилось из-за меня? Но догонять не стала. Именно в этот момент я поняла, что с семьей Стрельниковых нам не по пути. Сквозь огромное стекло я видела, как она села в машину и уехала. Единственное чувство, которое я испытывала в тот момент, было разочарование, которое просто убивало.

– Степан, здесь была Анна Анатольевна, – сказала я, как только он вернулся.

– Правда? И что?

– Не знаю. Она была странная, как полусумасшедшая. Может, перепутала меня с кем-то?

– Не может быть! Вы виделись уже несколько раз. Интересно, что она здесь делала? Такие трущобные больницы не ее формат.

Он кинулся к стойке регистрации, я села на диван: опять закружилась голова. Степан вернулся со странным выражением лица.

– Пойдем отсюда, – глухо сказал он, схватил за руку и по-

тащил к машине.

– Ты что-то узнал?

– Ничего особенного, – коротко ответил он и замолчал, угрюмо глядя на дорогу.

Мне стало плохо, я сконцентрировалась на своем желудке, который вдруг взбунтовался не на шутку, и так не узнала тогда, что случилось в семействе Стрельниковых.

А дальше... дальше я перестала заниматься поисками Антона. Известие о беременности перевернуло мою жизнь и перевело ее в совершенно другое качество.

Я удивленно смотрела на Степана и ждала, пока он окончательно переварит информацию и успокоится.

– Степа, ты сядь, не мельтеши! – попросила его Людмила. – Голова кружится от твоего мелькания. Азамат! – позвала она мужа, который убежал подальше от скандала. – Принеси мне таблетку.

– А тебе можно? – выглянул из кухни муж. – Какую?

– Эх, мужики! Ничего не знают!

Людмила встала и, потирая рукой поясницу, пошла на задворки кафе. Степан тоже перестал бегать и затормозил напротив меня.

– Рита, ты прости меня, – наконец сказал он, но при этом отвел глаза в сторону.

– За что? – Его странное поведение еще больше испугало меня.

– Я думал, что он с тобой просто поиграл и бросил. А он еще и женился! Ничего не понимаю. Смысл какой?

– Вот и я не понимаю. Он вышел утром из дома и пропал. Уже пять лет прошло. Думаю, это его мать подсуежилась и убрала Антона подальше от меня, чтобы он не наделал глупостей.

– Хочешь, я разыщу этого ублюдка?

– Правда, Рита, давай! – вставила свои пять копеек Людмила. – Какой бы строгой мать ни была, за пять лет он мог бы подать восточку. Разводись, и дело с концом. Степан тебе поможет. Хоть завтра начните этим заниматься.

– Ничего не получится, – глухо ответил Степан.

– Сейчас можно оформить развод даже без согласия и присутствия одной стороны, – не согласилась Людмила.

– У нас ребенок, – возразила я. – Значит, развод можно оформить только через суд, и без отца это сделать невозможно. И потом свидетельства у меня нет, отметка в паспорте не стоит. Можно было, конечно, по книге бракосочетаний восстановить документ, но зачем? Положить его в коробочку и забыть?

– А ты займись. Давай накажем эту семейку! У тебя же единственная наследница растет. Пусть алименты платит, если жить вместе не хочет!

– Нет! – крикнула я. – Нельзя, чтобы он узнал о Леноч-

ке. Его мать – страшный человек! – Я зажмурилась, представив, что Стрельниковы захотят отобрать у меня ребенка, и потрясла головой. – Нет! Ни в коем случае! И вообще, давайте закроем эту тему! Все прошло, былшем поросло. Мне нравится моя жизнь. Тихая, спокойная, без потрясений. Давайте обедать. Все скоро остынет.

Какое-то время мы ели молча. Степан, видимо не ожидавший таких новостей, угрюмо возил вилкой по тарелке.

Людочка наклонилась ко мне и зашептала:

– Ладно, хочешь быть соломенной вдовой, черт с тобой! Но для здоровья мужика найди, чтобы настроение поднялось. Посмотри на себя, красавица какая, а сидишь в деревне.

– Там тоже парни есть.

– Ага! Мотористы и комбайнеры.

– Любимовка не колхоз, – засмеялась я.

– Согласна, но мы тут вот о чем подумали. Азамат, иди к нам.

– Короче, Рита, – начал Азамат. – У нас к тебе есть деловое предложение.

– Какое?

– Мы, – он посмотрел на присутствующих, – хотим, чтобы ты бросила свою Любимовку. – Я сделала круглые глаза, и он поправился: – Ну, не совсем бросила. Можешь домик оставить как летнюю дачу. Переезжай в Москву.

– Вот это номер! – я растерялась. – Вы меня не слышите?

Мне жить негде, снимать квартиру не на что. И Леночке нужен детский сад и друзья.

– Рита, я же предлагаю тебе свою квартиру.

– Нет! У тебя я не буду чувствовать себя дома. Ты прости, Степан, но в моей жизни столько неразберихи, что втягивать в нее еще и тебя я не хочу.

– Я уже влез, – тихо сказал он и отвернулся.

У меня опять закололо сердце, появилось неприятное чувство, будто меня обманули. Степан точно что-то скрывает. Но что?

– А ты не торопись. Выслушай сначала Азаматика. – Людочка ткнула мужа в пухлый бок. – Давай.

– Рит, я хочу расширяться.

– И что?

– Гарик прикупил по случаю разорившуюся кофейню по соседству. Помещение просто отличное и полностью готовое к работе. Немного пошаманить – и конфетка будет! – Для убедительности он смачно поцеловал щепотку пальцев. – А оборудование в кухне какое! Зашибись!

– А я тут при чем?

– Я предлагаю тебе место директора и шеф-повара в этом кафе и полную свободу. Хочешь – пеки свои торты и пирожные, хочешь – сделай комплексные обеды и завтраки. Как назовешь, так и будет. Сама придумаешь, как людей привлечь.

Предложение было не просто соблазнительное, а убийственное. Мгновенно вылетело из головы странное поведе-

ние Степана. Именно о такой работе для меня когда-то мечтала бабушка. Я слушала Азамата и едва сдерживала слезы. Разве я могла подумать, что этот жадноватый человек и его разбитная супруга станут для меня настоящей семьей!

– А жить...

– Об этом тоже не волнуйся. В кофейне есть отличное помещение из двух комнат, бывший кабинет директора. Его можно переоборудовать под квартиру. Соглашайся, Ритка. Лучше тебя у нас кандидатуры нет. Гарик вложил, а что делать с приобретением, не знает, – умолял Азамат. – Забегаловок кавказской кухни в районе полно.

– Рит, я тоже помогу. Вот как рожу, так и помогать буду, – тронула меня за локоть Людочка. – У тебя выпечка такая, будто ты волшебное слово знаешь. Здесь вокруг полно учебных заведений. Студентики бегать будут, влюбленные захаживать. Стенку с фото сделаешь.

– А меня охранником возьмешь? – спросил Степан.

Мозги закипели от напряженной работы. Что делать? А если попробовать? Вернуться в Любимовку никогда не поздно.

– Ладно, согласна.

В голове уже закрутились идеи.

– Ура! – закричала Людочка. – Давайте сфотографируемся. Скрепим наш договор. Азамат, тащи свою волшебную камеру! Дети, идите к нам!

Азамат пристроил фотоаппарат на барную стойку, а мы

столпились у стены с фотографиями: Степан, я, Людмила и Азамат. Дети встали перед нами и взялись за руки. Затвор камеры щелкнул.

– О, смотрите, как мы отлично получились! – сунул нам под нос экран камеры Азамат. – Рита, можно я это фото на сайт нового кафе выложу? Боюсь уже без твоего разрешения что-то делать.

– У кафе и сайт есть? – удивился Степан. – Круто!

– А как же! Рита с дизайнером поработает и еще лучше его сделает.

– Не знаю, – растерялась я, потому что в последние годы забросила странички в соцсетях, не хотела, чтобы кто-то видел Леночку.

– Ну, Рита! Хватит быть затворницей! Что тут такого? Это же просто фото, одно из многих.

– Ладно, уговорили.

– Как кафе новое назовешь?

– «Белая черемуха».

– Почему? – воскликнули все хором.

– Скоро узнаете, – улыбнулась я.

Глава 9

Антон

Утром, как только проснулся, я схватил телефон и стал разыскивать номер кафе, где работала Рита. Я вспомнил, как легко нашел его в тот день, когда встал на ноги после пнев-

монии. Однако в этот раз все оказалось непросто. Сколько я ни набирал номер, который увидел на сайте кафе, абонент был недоступен.

Я недоуменно посмотрел на телефон. Что случилось? Азамат закрыл свое заведение? Или сменил номер? Придумать что-то новое я не успел: дверь отворилась и на пороге появились отец и Дима. Они всегда приходили в это время, чтобы помочь мне справиться с утренними процедурами.

– Как спалось? – спросил отец.

– Хорошо.

– Твои друзья скоро уезжают, поторопись, если хочешь попрощаться.

– Ну, не думаю, что они сбегут тайком. Нет причины. Дима, выйди, я хочу с батей потолковать.

Охранник внимательно посмотрел на меня и закрыл за собой дверь. Так, у меня мало времени: Димка – глаза и уши матери. Она ему за доносительство приплачивает.

– Папа, я хочу разыскать Риту, – с места в карьер начал я.

– Нет! – была первая реакция отца, для меня неприятная. – Ни в коем случае! Хочешь опять погрузить семью в хаос?

– А разве Рита виновата в моей аварии? Не она была за рулем.

– Но ты из-за этой девушки как безумный был. Сбежал из дома, заставил нас с мамой волноваться.

– Сейчас точно не сбегу, не смогу, – усмехнулся я. – Толь-

ко это причина?

– Тебя обнаружили в незнакомом районе Москвы, без паспорта. Хорошо, студенческий билет нашли в кармане. Позвонили в университет, а секретарь кафедры уже разыскала маму. Я как вспомню тот кошмар, так перекреститься хочу. – Отец и правда поднес ко лбу пальцы, сложенные в щепоть, но остановился. – Тебя еще и перевезти из захудалой больницы не разрешали, пока ты был в тяжелом состоянии. Мать чуть с ума не сошла от горя, ругаясь со всеми врачами.

– Пап, эту историю я уже слышал сто раз, не меньше. И все равно, помоги. Неужели не видишь, мои друзья полны сил и здоровы, а я... – Запрещенный прием, но мне хотелось добиться своего.

– И что будешь делать, если найдешь девушку? Пять лет прошло. Она могла выйти замуж, родить детей. Только боль себе причинишь.

– Вот я и хочу узнать, все ли у нее хорошо. Я в последние дни только об этом и думаю, – горячо зашептал я, поглядывая на дверь, за которой вполне могли прятаться чуткие уши. – Ты представь ситуацию. Парень встречается с девушкой, говорит, что любит ее, а сам пропадает.

Меня так и подмывало сказать, что разыскивать я собираюсь не случайную знакомую, а жену, о которой родители ничего не знают. «Черт! Может, и правда признаться? Батя меня не сдаст», – крутилась в голове мысль.

– Любая на ее месте подумала бы, что ее бросили. Обиде-

лась бы и возненавидела мужчин, — засмеялся отец. — Классика жанра.

— Рита не любая. Машка сказала, что она меня разыскивала. Вот я и забеспокоился.

— Да? погоди! — Отец хлопнул себя по лбу. — Мама столкнулась с ней случайно в той больнице, куда тебя привезли.

— Когда это было? — У меня даже пальцы вспотели от волнения.

Ситуация поворачивалась совершенно неожиданным образом. Я точно помню, что взял с собой для разговора с родителями в качестве подтверждения и свидетельство о браке, и паспорт, где стоял штамп. Я уже не раз думал о том, как получилось, что эти документы пропали, а студенческий билет так кстати оказался на месте? Причем память отказывалась выдавать на-гора тот момент, когда я положил его в карман. На свадьбе он мне точно был не нужен. Разве что машинально.

Или...

Но об этом думать не хотелось. Я не мог поверить, что мама, чтобы вернуть меня домой, дошла до такой подлости. Какой бы жесткой и принципиальной она ни была, я знал, что она меня любит.

Эти мысли нет-нет да возникали в моей голове. Я гнал их подальше, но не мог окончательно избавиться.

Объяснение напрашивалось только одно: меня ограбили, пока я лежал без сознания на дороге. Это дело одной секун-

ды: наклониться, схватить сумку, с которой я был, и убежать. Мать подключила все связи, чтобы найти преступника, но, как назло, на этом перекрестке камер наблюдения не было, а единственная камера, установленная над входом в маленький магазинчик, оказалась нерабочей.

Попытались разыскать припаркованные у обочины машины, но к моменту прибытия полиции большинство из них уже отправились по своим делам. У тех автомобилей, которые еще оставались на месте, видеорегистраторы не засняли ничего предосудительного. Сам факт аварии видели редкие прохожие, но издалека, и все произошло так быстро, что свидетели путались в показаниях. Никто не назвал ни марку машины, ни ее цвет.

Так расследование заглохло на корню, едва только начавшись.

– Па-па, когда это было? – повторил я свой вопрос.

– погоди! – воскликнул отец. – Я уже и не помню. Аня вскользь обмолвилась о встрече, и все. Я давно об этом забыл, вот ты вспомнил Риту, и сразу всплыло в голове. Надо маму спросить.

– Нет! Не надо. Ну хотя бы примерно.

– Так, дай подумать. – Отец потер виски, а я, если бы мог, точно заплясал бы от нетерпения.

– Точно, ты уже вышел из комы, но еще лежал в той больнице, а перевезли мы тебя через месяц. Получается, примерно через две-три недели.

– Значит, это было позже того случая, о котором говорила Машка. Видишь, Рита меня не бросила!

– Тогда почему не нашла? Достаточно было назвать в регистратуре твою фамилию. Успокойся Антон, значит, не хотела иметь ничего общего с парнем-инвалидом. Эти провинциальные девчонки ищут везде свою выгоду.

Я разозлился. Еще не хватало, чтобы отец оскорблял мою девушку!

– Рита не такая! – сердито выпалил я.

Желание рассказать отцу, что я накануне злополучной аварии женился, сразу пропало. И просить о помощи больше не было смысла. Сам попытаюсь разобраться.

– Верю, что ты так думаешь, но все же стряхни с глаз иллюзии, посмотри на ситуацию здраво.

Отец был сто раз прав, но я решил дойти до конца. Я верил, что Рита не такая, как о ней говорят. Хотел думать, что она тоже где-то вспоминает меня.

Мы весело позавтракали все вместе. Я проводил друзей и попрощался с ними на веранде. Мы договорились встретиться еще через какое-то время. Бей пожал мне руку, Пашка потрепал по плечу, Маша быстро чмокнула в щеку.

Вот и все! Прощайте, старая жизнь и прежние отношения. Я наблюдал, как Маша, спускаясь по лестнице, подхватила Блонди под руку. Тот нахмурил брови и спрятал глаза, но я вдруг понял, что он обрадовался. Может, теперь он наконец-то успокоится? Зверь, сидевший в нем, станет ласковым

и послушным.

– Антон, через час мы едем в клинику, – сказала мама и вошла в дом.

Я остался на веранде и задумался. Как мне разыскать Риту? От нечего делать я рассматривал карту того района Москвы. А если позвонить в другое кафе? Рестораторы должны быть знакомы. Я набрал номер забегаловки под названием «Ситора». Наверняка из той же оперы, судя по названию.

– Слушаю, – ответил бодрый женский голос. – Сколько порций хотите заказать?

– Простите, вы не могли бы мне помочь? Вы знаете хозяина кафе «Кафе-Хаус»? Оно недалеко от вас расположено.

– Нет, – ответили мне и повесили трубку.

Вот черт! Я набрал номер кофейни «Белая черемуха». Такого названия в Москве я не встречал и ни на что особенно не рассчитывал.

– Азамата Григорьевича позовите! – сразу сказал я без долгой прелюдии.

– Какого Азамата? – Голос звучал с легким акцентом, я облегченно выдохнул.

– Хозяина «Кебаб-Хауса».

– А-а-а, Азамата! Его здесь нет.

– Я не могу до него дозвониться. Никто не берет трубку.

– Слюшай, дарагой! Азамат кафе закрыл на ремонт. У него жена рожает. Скажи, что передать?

Интонация говорившего показалась мне знакомой. Я напрягся, пытаюсь вспомнить. То, что я разговариваю с человеком, знающим толстого кавказца, заставило меня задрожать.

– А Риту позвать можешь? – выпалил я.

Сказал и сжался. На что рассчитываю, идиот? Примут еще за приколиста. Телефон, прижатый к уху, подрагивал.

– Рита-Маргарита, иди к телефону!

– Кто спрашивает? – услышал я далекий, но такой родной голос.

Волнение перехватило горло. Воздух с трудом проникал в легкие и шумно вырывался обратно. От кончиков пальцев неподвижных ног начали подниматься мурашки. Они иглами пробежались по тощим икрам, поднялись по бедрам к животу и выше. Левая рука онемела и повисла плетью, правая уже тряслась, будто в судороге. Теперь я боялся уронить телефон, в котором слышались приближающиеся шаги.

– Да, кто говорит? – раздалось у меня прямо в ухе.

– Это я, – прошептали губы едва слышно.

Я набрал в грудь воздуха, чтобы продолжить, и вдруг захрипел. Пальцы разжались и выронили трубку. До угасающего сознания донесся далекий удар, потом короткие гудки, и свет померк.

Глава 10

Рита

Решение изменить свою жизнь далось мне очень трудно. Я

долго сомневалась, а потом вдруг решила в один момент и сказала себе, что лучше сожалеть о сделанном, чем о несделанном.

Степан и Гарик помогли мне переехать. Они выгрузили вещи из машины и теперь переносили их в директорский кабинет. Из мебели здесь стоял стол, два кресла и большой кожаный диван. В темном закутке были душевая кабина и туалет, а маленькую комнату заполнял всякий хлам.

Отсутствие кухни меня нисколько не смутило: в моем распоряжении находилась замечательная производственная территория, упакованная по последнему слову техники от жаровых шкафов до новейших плит. Видимо, бывший хозяин потому и разорился, что вложил много средств в техническое оснащение кафе.

Мы дружно вытащили все старые бумаги и вещи и занесли в маленькую комнату кровать для Леночки. Она крутилась рядом и восторженно взвизгивала от каждого нового открытия.

– Мамочка, что это? – ее пальчик показывал на блестящий агрегат для смешивания ингредиентов.

– Здесь я буду делать тесто для тортиков и пирожных.

– А это что такое? – теперь Леночка смотрела на огромный двухкамерный холодильник с прозрачными дверьми.

– А сама как думаешь? – ущипнул ее Гарик, пробегая мимо.

– Это дом Снежной Королевы?

– Точно! Какой умный дэвочка! Вай-вай! Иди поиграй. Нэ мешай взрослым.

Работа кипела. Мы сделали стену для фотографий. На ней были в нескольких местах чистые квадраты. Здесь я планировала окна для записей.

– А это зачем? – спросил недоверчиво Степан.

– Чтобы молодежь могла оставить память о себе. Ну, знаете, как замочки вешают на мосты.

– Они же матами все загадят.

– Знаешь, Степа, если сразу думать о плохом, то ничего и начинать не надо. Ты же у нас охранником будешь, вот и проследишь, чтобы не гадили. И вообще, я планирую сделать кафе-трансформер.

– Это как?

– Ну, днем – обычная кофейня, а на выходные и праздничные дни можно заниматься организацией свадеб и юбилеев.

– А почему трансформер? Разве так делают не все?

– Все делают обычно, а мы будем предлагать тематические вечера: космическое приключение, морской круиз, путешествие к центру Земли, в пещеры, в джунгли и горы. Разработаем программы, подготовим реквизит, оснащение компьютерное и световое. Каждый клиент сможет выбрать развлечение по душе. Поверь, если кафе станет модным, запись будет на год вперед.

– О боже! Рита! Фантазия у тебя отличная, только где мы

на это все найдем деньги? – засмеялся Степан.

– Заработаем.

– Как?

– Эксклюзивными тортами и пирожными.

– Нужен массовый товар. На эксклюзиве выручка не получится.

– А мы и сделаем эксклюзив массовым. Только рецепт я никому больше не дам. Хотя... Тут тоже есть еще один момент для заработка.

– Какой? – Теперь рядом со мной стояли оба и слушали, боясь пропустить хоть слово.

– Мастер-классы. Можно и курсы организовать.

– Рита, где ты раньше была? – всплеснул руками усатый Гарик.

– В Любимовке, – засмеялась я. – Заказы на мои торты за полгода делали. Мальчики, работаем, не ленимся, если хотите кофейню быстро открыть.

– Вай-вай! – качал головой Гарик, расставляя столы в зале для посетителей. – Сколько работы!

– Да, много. И еще мне надо Анжелу разыскать. Одна я с таким объемом не справлюсь. А как только немного раскрутимся, найдем уже других сотрудников: официантов, аниматоров, режиссера-постановщика, айтишника. Много еще кто понадобится.

Мы с Леночкой устроились чудесно. Людмила договори-
лась, и мою дочь взяли в детский садик, куда ходил ее Сень-

ка. Ребенок был абсолютно счастлив. А мне как матери больше ничего и не надо было.

Все хором убедили меня сходить в загс. Я долго собиралась, никак не могла решиться, но все же уступила яростному напору друзей. Пора бы уже определиться с жизненным статусом. Кто я? Мужняя жена, разведенка, свободная женщина или... вдова.

О самом страшном думать не хотелось. Я старательно гнала эти мысли подальше, но серые глаза Леночки постоянно напоминали мне Антона. Сердце уже не ныло так, как раньше, и в подушку я перестала плакать: некогда, нужно двигаться дальше самой и поднимать дочь.

Но эти мысли нет-нет и возникали у меня в голове. Семья Стрельниковых пропала. Как сквозь землю провалилась. В их особняке жили чужие люди, квартиру они тоже продали.

Хотя сеть магазинов «Стиль» по-прежнему процветала, но, может быть, у них был новый хозяин. Этого я не знала и интересоваться давно перестала. Жизнь продолжается. А время, как известно, лечит все раны.

В теории.

На практике получалось плохо. Я держалась подальше от всех мужчин и пресекала на корню любые попытки завести со мной отношения. Вот и Степан, казалось бы, лучший друг, но и только! Я не воспринимала его в другом качестве.

Я позвонила в загс, узнала информацию, и мы со Степаном поехали разбираться с документами. Я волновалась. Бы-

ло стойкое ощущение, что возвращаюсь в прошлое, а оно может принести новые неприятности.

Радовало только одно: провидение удержало меня от смены фамилии. Как Антон ни уговаривал стать госпожой Стрельниковой, я отказалась. Иначе после его исчезновения я осталась бы с паспортом, проштампованным в загсе, но сменить его в течение месяца не смогла бы из-за отсутствия свидетельства о браке. Вернее, я не знаю, нужен ли был этот документ, но трудности бы возникли, это точно.

Мы пришли к представителю загса с ксерокопией моего паспорта. Моложавая женщина со строгой прической внимательно рассмотрела мою печать.

– А ваш документ? – спросила она Степана.

– Зачем?

– Документ мужа тоже необходим.

– Я друг семьи, – солгал он. – Муж в командировке за границей.

– Разводитесь?

– В смысле? – растерялась я.

– Обычно приходят восстанавливать свидетельство о браке, если пара разводится и один из супругов не желает по какой-то причине делиться.

– Нет. Мы просто потеряли. Хочу восстановить на всякий случай. Можно?

Я заполнила бланк заявления, женщина выдала мне квитанцию об уплате госпошлины и пригласила на следующий

день.

Утром я шла спокойно, уверенная в своих силах. Свидетельство о браке? А почему бы и нет! Леночка у меня Антоновна. Я не стала ничего придумывать, потому что моего папы тоже нет в живых, а закон позволяет матери-одиночке записать в графу «отец» любое вымышленное имя.

Женщина встретила меня приветливо, усадила в кресло, но была напряжена. Ее волнение передалось и мне.

– Что-то случилось? – спросила я, уже нервничая.

– Понимаете... – Женщина сделала паузу. – Странная ситуация. Вашей записи о регистрации брака нет.

– Как нет?

– Не знаю. Вся книга регистрации исчезла.

– Приехали! – вырвалось у меня от растерянности. – Разве вы не храните данные в электронных документах?

– Храним. Но страница того дня тоже пропала. Глюк какой-то. Причем заметили мы это только сейчас, когда вы обратились.

– Вас что, никто не контролирует? Масса комиссий должна проверять. Это же документы! И что мне теперь делать? Я кто? Замужняя женщина или свободная?

– Не волнуйтесь вы так. Приходите с мужем, и мы снова зарегистрируем ваш брак. Печать же в паспорте сохранилась.

– А без мужа нельзя?

– Увы. Брак – это дело двоих.

Я ушла с пустыми руками. Сначала чертовски расстрои-

лась, а потом решила: что ни делается – все к лучшему. Записи регистрации нет, документа тоже. Жила я без него пять лет и еще проживу. А когда понадобится, тогда и голову ломать буду.

О своей неудаче я никому говорить не стала. Людочка попросила показать свидетельство, но я ответила:

– Там, где-то в комнате лежит. Потом покажу.

На этом все и забылось. Через неделю начала работ кофейня наконец была готова распахнуть свои двери. Вечером мы вешали вывеску и дружно волновались. Простая надпись «Кофейня “Белая черемуха”» наполнила мое сердце гордостью и счастьем. Наконец-то я занимаюсь любимым делом!

Я переживала теперь только о том, что не смогу на весь день испечь достаточного количества вкусняшек. Людмила страдала от большого живота: приближался срок родов.

Гарик и Азамат подсчитывали расходы и качали головами. Я даже поймала сердитые взгляды, направленные на меня. Еще бы! Я потребовала для первого дня лучшие и качественные продукты.

Суматошный день перед открытием подошел к концу. Мне предстоял еще восхитительный вечер у плиты, но это было только к радости.

Мы сели за стол. Азамат приготовил ужин, открыл бутылку красного вина.

– Ну, за нас! – предложил первый тост Степан.

– Да, за «Белую черемуху», – ответила Людочка. – Ура!

Кстати, Рита, ты не рассказала, почему выбрала это название.

– А-а-а! Секрет! – засмеялась я.

– Ладно, колись! Завтра и так узнаем.

– Есть у меня рецепт восхитительного торта. Я его хочу сделать эксклюзивным блюдом нашего кафе. Основной ингредиент – перемолотая в муку вместе с косточками сушеная черемуха. Торт будет черным, как ночь, с белоснежным сметанным кремом и ярко-выраженным вкусом миндаля.

– Ты и орехи туда положишь?

– Нет. Молотые косточки и придадут такой вкус.

– Но косточки будут попадаться на зубах.

– Не переживайте. Это почти не чувствуется. Погодите, я вас сейчас угощу.

Я очень гордилась этим необычным рецептом, доставшимся мне от бабушки. Несколько тортов я испекла заранее, чтобы уже утром они украшали витрину как талисман. По дороге к холодильнику я заглянула в комнату к дочери. Леночка и Семен, устав от игр, заснули прямо на полу. Они весь вечер носились рядом со взрослыми, заряжая всех веселым смехом.

Я только открыла дверь холодильника, как услышала крик:

– Рита, тебя к телефону спрашивают, – звал Гарик.

– Меня?

Это было настолько неожиданно, что я схватила торт и

кинулась в зал. Трубка лежала на барной стойке. Я поставила поднос рядом, взяла ее и спросила:

– Да, кто говорит?

В трубке что-то хрипло дышало и шипело, будто там жило сказочное чудовище. Я испугалась и хотела уже отключиться.

– Это я, – послышался слабый голос.

Я вздрогнула, резко повернулась, зацепила локтем поднос, и торт упал на пол. Я смотрела на кусочки, разлетевшиеся в разные стороны, на пятна белоснежного крема, до меня доносились встревоженные крики друзей, но в голове билась только одна мысль: Антон!

Я съехала по стене на пол, прямо в кремовую кашу. Сердце готово было выскочить из груди, глаза заполнились слезами. Вся защита, которую я выстраивала долгими годами, рухнула в один миг.

Только сейчас я поняла, как долго ждала этого момента!

Глава 11

Антон

Очнулся я в больничной палате. Вокруг меня собралась толпа врачей, не иначе решили устроить консилиум.

Я огляделся: опять торчит из локтевого сгиба игла капельницы, на пальце надета прищепка пульсоксиметра, а рядом пикают медицинские приборы. До боли знакомое и ненавистное положение тела, вытянутого на больничной кровати.

– Что случилось? – просипел я.

– Антошечка, – ко мне кинулась мама. Ее лицо было красное от слез. – Доктор, он очнулся.

– Я вижу, вижу, – по-английски ответил врач и наклонился ко мне.

– Что со мной было?

– Вот мы и пытаемся разобраться. Расскажите нам, молодой человек, что случилось.

– Не знаю, – растерялся я. – Я разговаривал по телефону, потом почувствовал, как иголки побежали по всему телу, руки задрожали, и я отключился.

– Мы нашли тебя на веранде. Ты лежал на досках пола, будто пытался самостоятельно встать.

– Я? Встать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.